

Елена Елагина

Живём беспокойно

Новая книга петербургского писателя Владимира Шпакова со слегка эпатирующим «акушерским» названием «Ева рожает» — это тринадцать рассказов и, можно сказать, почти сплошной реализм, когда автор по преимуществу интересуется психологией героев и их реакцией на обстоятельства жизни.

Начнем по порядку, выделяя те произведения, которые составляют единство по весьма существенной, можно сказать, экзистенциальной проблематике. Коли маркерный эпитет прозвучал, сразу дадим слово доктору философских наук из далекого от Петербурга Калининградского Университета Владасу Повилайтису, который, вне зависимости от того, довелось ли ему читать Шпакова или нет, довольно точно эту самую проблематику сформулировал: «Со всех сторон, и от консерваторов, и от либералов, я в последнее время очень часто слышу про то, что Россия — страна с мятущейся душой. /.../ Весь наш богатый внутренний мир, по существу, укладывается в это понятие — повышенная тревожность, постоянная тяга к переменам, вечное недовольство существующим — и в первую очередь самим собой, что мы пытаемся перенести и объективировать — и объявить виновником страну, государство, общество, внешний мир — да что угодно еще, твердо зная в глубине своей души, что в любой другой ситуации мы нашли бы повод и для тревог, и для недовольства. Быть в мире с самим собой — вообще не русская черта». И Шпаков эту тревожность, эту мятущуюся русскую душу уловил очень точно и демонстрирует ее в своих рассказах в самых разных ситуациях и в самых разных палестинах (известно же: от себя

не убежишь!), но — в одном времени. Все его герои — наши современники, желающие покоя и счастья, а на деле — живущие, по словам гениального Евгения Шварца, беспокойно. Причем беспокойно порой до чрезвычайности.

Одна из историй, где данная тема звучит особенно остро и ярко, — рассказ «Война майора Чумака». По сути это история катастрофы личности, к сожалению, вполне типичная. Бывший афганец, знающий, что такое мужская дружба, спаянная боевой обстановкой, мало того что растерялся в новом русском капитализме, так еще и попал волею обстоятельств на неметчину, где все — чужое. И так он тоскует по ощущению единства, принадлежности к большому целому, по командиру, который скажет, как надо, что становится неразборчив и в связях, и в собственных поступках. И тут вроде бы своими оказываются криминальные представители украинской диаспоры, с которыми он влипает в несколько фактических уголовных историй и, спасаясь от погони представителей закона, сгорает в автомобильной аварии. Написано все это с поразительной точностью деталей — и бытовых, и психологических.

Если у ностальгирующего по старым временам майора жизнь на чужбине не задалась, то у героини рассказа «Ева рожает» напротив, все складывается вроде бы удачно: она вполне социализирована в недоброжелательном к чужакам Париже, у нее хорошая и, как представляется, любимая работа в университете. Еве всего 35, значит, расцвет карьеры еще вполне возможен, к тому же она и рожать собралась, эта прародительница всего человечества! Но... Не получается любовь ни с французским, ни с русским партнером. Не получается родить ребенка (хотя что за возраст, сейчас и в 50 рожают!). Но — нет гармонии с миром. В то время как молодой сестрице

Владимир Шпаков. Ева рожает: Книга рассказов. — С.-Пб.: Алетейя, 2018.

несостоявшегося мужа, приехавшей повидать Париж, с ее бесцеремонностью и поразительной социальной и психологической пластичностью, то бишь, видовой витальной приспособляемостью, все легко. Она из породы тех, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не пропадет. «Этот мир заточен под Кэт, он предназначен Кэт, он соответствует ей, как колодка — тачаемой обуви. Если здраво рассудить, именно Кэт является новой Евой, которая пока что делает аборт, но еще, будьте уверены, даст начало новой генерации-популяции. Великое творящее Нечто (ха-ха-ха!) вылепило это существо, сделав его подлинным венцом творения, остальные же представители вида могут отдыхать. Эти горшки — неудача горшечника, а вот Кэт — удача, форма простая, надежная и долговечная». И рассказ превращается в притчу о новой Еве, у которой все быстро и просто без ненужной рефлексии и тонких чувств.

В рассказе «Миллениум» поколения, то есть времена, напротив, оказываются связаны тончайшим образом. Здесь Шпаковское письмо начинает размываться, уже возникает столь любимый магическим реализмом повторяющийся сон с неразрешимым сюжетом, с открытым финалом, но не как предвестник несчастья, а как несчастье апостериори. Оно уже свершилось: погиб единственный любимый внук, но снится он почему-то в блокадных реалиях, ведь его бабушка, в блокаду работавшая учительницей и спасшая тогда своих учеников, и теперь не теряет с ними связь, хотя все они уже старики далеко за 70. Надо сказать, блокада генетически впитана всеми коренными питерцами, неважно, через какое время после ее окончания они родились. Именно она оказывается той самой скрепой, держащей все поколения. Во сне Ирина Петровна никак не может догнать внука, пересекающего Неву, а ведь он в опасности: вот-вот начнется обстрел. И все это происходит на пороге миллениума, о котором все говорят. Проходит неделя после миллениума, и бабушка с внуком наконец соединяются, но уже там, за чертой жизни: «Ирина Петровна знает: теперь они не расстанутся никогда, она будет оберегать Эдика всю жизнь. Жизнь? Ну, неважно, называйте как хотите, главное, что они вместе».

В рассказе «Красное платье» мистический

мотив проглядывает уже совершенно явно: опять автомобильная авария, семья чудом остается жива, разминувшись со встречной машиной буквально в каких-то сантиметрах, и в этот страшный миг главный герой видит в промежутке между машинами размытый силуэт и красное платье. А жизнь у него тяжелая — он тот самый маленький человек, пытающийся не только выжить в эпоху дикого российского капитализма, но и тяжело больного сына вылечить, с которым уже все перепробовали, одна надежда на зарубежную операцию. Герой рассказа весь в долгах, дома усталость и озлобление, ссоры по малейшему поводу, полный край. Отчаяние такое, что «хочется сделаться лесной пичугой, превратиться в муравья, в неприметный куст, лишь бы не возвращаться в ад, обманчиво похожий на жизнь...» Он ищет смерти, чтобы ножом, в конце концов, пырнули в пьяной драке, но и тут облом. Наконец семья добирается до своей цели — сороковин умершей тещи, и во время разбора с родственниками оставшихся после нее вещей герой видит то самое «аварийное» красное платье. И читатель понимает: это нелюбимая героем теща уже в своем посмертии спасла семью в неминуемой опасности. И вот уже и брат жены отказывается от полагавшейся ему материнской квартиры в пользу сестры, мол, вам нужнее, продайте и будут деньги на операцию сыну. И отчаяние отступает, и затеплился лучик надежды.

Вечная тема «маленького человека», который в русской литературе выглядит по-разному, да и отвечает на давление жизни разным способом. Пушкинский Евгений лишь грозит кулаком деспоту на коне, дух гоголевского Башмачкина после смерти уже сдергивает шинели со значительных лиц, а Раскольников берет в руки топор и...

Маленького человека из рассказа «Мусорный остров» зовут Петрович, это отставной военный моряк. Хозяин коттеджа, который фактически выстроил, а теперь охраняет Петрович, решает продать владение честному работнику и, поскольку средств у того не хватает, безответственно обещает оформить ему «личную ипотеку» (то есть растянутый по времени и взносам долг). Бывший мичман продает две квартиры (свою и своей подруги), два дачных участка — и остается ни с чем. Потому что уже есть покупатели, могущие

заплатить за все сразу и более не нуждающиеся в его услугах, о чем ему и сообщают в презрительно грубой форме. «Сейчас родное и обжитое пространство тоже (так казалось) хохотало и улюлюкало: кто ты такой? Ты — мусор, который вскоре выметут отсюда поганой метлой». Мусор становится основной и тотальной метафорой рассказа. Все крутится вокруг него. Это и тщательно убираемый и вывозимый на дальнее расстояние Петровичем мусор с участка: в контейнеры, а не в овраг, где местные устроили несанкционированную свалку; и купленный хозяином мусоросжигательный завод в Германии, куда тот и перебирается окончательно; и страшный сон Петровича об острове из пластиковых бутылок в океане, куда ему велят сойти с корабля:

«— Но я же не мусор! — отчаянно кричит Петрович.

— Кто тебе сказал? Ты ничем не лучше этого пластика, тебя тоже надо в мусоросжигательную печь!»

Все в мире золотого тельца становится в конечном счете мусором, человек в том числе. И вся такая родная и холимая много лет усадьба видится в итоге раздавленному обманом Петровичу тоже всего лишь горой мусора. А что делают с мусором? Правильно, сжигают. И вот уже Петрович несется на гидроцикле с привязанными по бокам канистрами с бензином на волжскую большую воду, а за ним полыхает столь когда-то любимая усадьба. Выяснит ли следствие, кто был поджигателем, поймут ли Петровича, получит ли он свое, будет ли выплачивать из тюрьмы возмещение нанесенного ущерба — остается за кадром. А драма маленького обманутого всем устройством нынешней жизни человека остается на страницах книги. Вот такая современная «Шинель», из которой, как мы знаем, вышла вся пост-гоголевская проза.

Еще одна культурная переключка, на этот раз кинематографическая. Наверняка многие помнят хичкоковский детектив «Окно во двор»: прикованный из-за сломанной ноги к инвалидному креслу фоторепортер от скуки начинает наблюдать за соседями, чьи окна выходят во внутренний двор, и в конце концов раскрывает убийство. В рассказе «На карнизе» — тот же сюжетный ход: наблюдение за окном, точнее, за карнизом у

окна напротив. Автор обходится без убийств, ограничиваясь столь нам всем знакомым любопытством: а что там, в чужом окне? Ничего ведь особенного, всего-то высокая стройная женщина разгуливает по карнизу и кормит на нем всякую бесхозную живность в виде птиц и котов, выращивает цветы и бесконечно курит. Тем не менее, этот маленький рассказ запоминается и чем-то держит.

Диалог с культурным наследием — вещь для современного литератора вообще естественная. Важно, чтобы этот диалог не превращался в жонглирование цитатами, чего Владимир Шпаков, заметим, себе не позволяет. Если он называет рассказ «Любовь к отеческим гробам», то здесь известная цитата раскрывается на новом уровне, воплощаясь в истории из современности, каковая, с одной стороны, противопоставляется утверждению классика, с другой — парадоксальным образом подтверждает сказанное Пушкиным. Случаются и фарсовые варианты подобного диалога, как в рассказе с говорящим названием «Пиастры, пиастры...».

Самый большой по объему рассказ (а может, уже повесть?) называется «Сероводород». И это опять расширенная метафора. И опять история недовольного собой и своей жизнью персонажа, какового можно назвать «человеком свиты». И пенсию он себе приличную выслужил, и денежное место начальника охраны при олигархе средней руки добыл, а покоя все нет: «Что-то ныло и свербило в душе майора ФСО Гирина, будто он не получил то, чего хотел, а может, не сделал то, к чему стремился. При этом он не мог четко сказать, к чему именно стремился, чего хотел, и оттого хмарь на душе делалась еще гуще и беспросветней...» И большие — для него, во всяком случае, — деньги не утешают и не придают уверенности: «Вроде получает теперь хрен знает сколько /.../ а кайфа нет. Нытье какое-то в душе, хмарь, смутная обида на жизнь, вроде как не состоявшуюся». Хоть Гирин и допущен до семьи опекаемых клиентов, а также до их тайн, чуть что — ему сразу указывают его место — услуги, которую новые хозяева жизни откровенно презирают. Вот это, пожалуй, и мучает, потому-то любимый наградной Стечкин и живет своей жизнью, нашептывая Гирина преступные

мысли, вводя в соблазн и подсказывая чудовищный выход из положения. А тут и образ подходящий укладывается на душу, когда во время перегона яхты нувориша из Новороссийска в Барселону капитан рассказывает Гирину байку о самовоспламеняющемся в Черном море сероводороде. Гирин в нее не только верит, но и всю окружающую жизнь начинает мерить этим словом. Внешне спокойная гладь в любую минуту может вспыхнуть губительным огнем, пожирающим все в зоне своего возникновения; и сам Гирин готов «вспыхнуть» — лишь бы заявить о себе, выйти из вечной тени богатых и могущественных. «...Будут деньги, дом окажется построенным, в общем, не жизнь, а кайф. Не будет только главного: Гирин так и останется никем, тенью, шестеркой, так что кайф получался какой-то горьковатый, точнее, с привкусом дерьма. Или... Вот именно или. Потому что скоро опять саммит, и шефа снова туда приглашают! И опять будет куча премьеров, президентов, руководителей корпораций, словом, VIP-сборище высшего уровня, круче не бывает». Там-то и появится шанс сделаться новым Геростратом, так сказать, «выполнить программу», то есть всадить в эти благообразные затылки, маячащие перед ним на различных саммитах, всю обойму. Тем, собственно, рассказ и заканчивается, когда Гирин мечтательно и многозначительно поглаживает верного друга Стечкина.

И все же Шпаков не смог обойтись без своего конька — чистой мистики. Само название рассказа «Райский сАд» сразу же настраивает читателя на встречу с потусторонним, хотя всего-то супружеская

пара переезжает с окраины в самый центр Петербурга, в исторический дом на набережной Фонтанки. Все, казалось бы удачно и безоблачно, но мужа смущают слухи об исчезновении людей из старых домов, и у риэлтора какие-то чересчур острые зубы, и у бомжа во дворе горб подозрительно шевелится. По мере повествования даже самый непрозорливый читатель догадывается, что этот дом — поле битвы добра и зла, одного из приспешников дьявола и ангела, который, в конце концов, отстаивает своих подопечных. Но главное даже не это, а слова, произнесенные «риэлтором»: «Люди здесь не нужны, неужели ты этого не понимаешь? Дома, набережные, каналы — нужны, а люди здесь лишние. Без них такая красота!» Эту самодостаточность города хорошо знают коренные петербуржцы — недаром творческий люд разных поколений вспоминает, как невыносимо красив был этот город и в пору революционных лишений, и в блокадные дни.

Вот такая получилась новая книга Владимира Шпакова — разнообразная и по тематике, и по стилю, а в итоге — масштабная и заставляющая переживать и мыслить. Спрашивают о замысле, а творец только пожимает плечами: сам не знаю, откуда взялось. Ведет дар, ведет материал. И получается не только сборник рассказов, но и, по сути, эпос о неприкаянности человека в этом мире. И здесь ему нехорошо, и там он чужой, и вечное беспокойство в душе, и непонятно, как со всем этим быть. Я только рассказчик — пожимает плечами автор. А как и почему все это происходит — думайте сами. Будем думать. Ведь это наша с вами жизнь, это мы с вами ее строим.